

Маленькая девочка, которую держала на руках её измождённая мать, смотрела на танхулу в руках Цзи Яня, слюнки текли, но она не плакала и не просила, вела себя так спокойно, что это было непохоже на ребёнка.

Цзи Янь не мог представить, через что она прошла за это время, потеряв всё, что у неё было, став объектом жалости, вынужденной, как нищий, просить о шансе на жизнь.

Его сердце сжалось, и он протянул девочке палочку танхулу. На её лице мгновенно появилось выражение недоверия, но уже в следующую секунду она быстро схватила её, боясь, что её отберут.

Мать девочки тоже не ожидала такого, но годы воспитания сохранили в ней определённые качества, и она собралась поблагодарить.

Заметив это движение, мужчина с ребёнком, стоявший позади них, вдруг опустился на колени.

— Пожалуйста, благородный господин, спасите моего ребёнка! Он болен уже несколько дней, он не выдержит! Если вы спасёте его, я буду служить вам, как раб, сделаю всё, что угодно! Пожалуйста, спасите его!

Последние слова прозвучали с такой болью, что Цзи Янь инстинктивно хотел помочь ему встать.

Голос мужчины был громким, и многие услышали его. Внезапно множество людей опустилось на колени, протягивая руки к Цзи Яню, рассказывая о своих страданиях и трудностях.

Они тоже когда-то жили достойно и никогда не думали, что окажутся в такой ситуации. Возможно, они не хотели никому мешать, но испытания, через которые они прошли, сломили их. Их жёны и дети уже не могли терпеть, они просто хотели выжить, и даже малейшая доброта была для них надеждой, которую они не могли упустить.

Внезапно раздался звук обнажающихся мечей. Гуюй встал с мечом в руках, а отряд цзинь-вэй, назначенный для защиты Цзи Яня, быстро среагировал, выстроившись в ряд с оружием, не позволив беженцам приблизиться к нему.

Вся сцена мгновенно оказалась под контролем, но сердце Цзи Яня сжалось ещё сильнее.

Цзяннань... Даже одно это слово звучало тепло, словно там никогда не бывает холода, и зима не так страшна.

Но Чанъань был другим, и сегодня он был особенно холодным. Цзи Янь едва мог терпеть, что уж говорить о беженцах, которые шли сюда, голодные и измождённые. Этот внезапный холод мог стать для них последним испытанием.

Возможно, для них вид ворот Чанъаня был символом надежды, но что они будут делать с этой внезапно наступившей зимой?

Цзи Янь был одет в белоснежную одежду, и ни единого пятнышка грязи не коснулось его, в то время как беженцы стояли на коленях, униженно прося о шансе на жизнь.

Солдаты с оружием словно разделили мир на две части: одна — полная страданий и жалоб, другая — обеспеченная и спокойная.

Как ад и рай.

— Все беженцы уже в городе? Всего две тысячи человек?

Гуюй:

— Да.

Цзи Янь достал из-за пазухи поясной жетон и хотел спросить Гуя, насколько велика его власть, но увидел, что цзинь-вэй и солдаты опустились на колени. Даже Байлу и Гуюй встали на колени, и вокруг него остался только он один.

Цзи Янь: ...

Он тихо спросил Байлу:

— Пожалуйста, вставайте, зачем вы всё время кланяетесь? Этот золотой жетон, для чего он вообще?

Случайно услышавший это цзинь-вэй: ...

Этот господин Цзи называет императорский поясной жетон золотым жетоном?

Байлу первой поднялась и объяснила:

— Каждый император при восшествии на престол получает такой поясной жетон, созданный императорской семьёй. Он символизирует статус императора. Видя этот жетон, как видя самого императора.

— Понятно.

Цзи Янь провёл пальцем по иероглифу «Вэнь» в центре жетона.

— Значит, если я сейчас держу его, могу ли я попросить солдат помочь?

— Конечно, можете.

Но никто никогда так не делал, ведь никто никогда не видел императорский поясной жетон в чужих руках.

Хотя так и было, в любое время символизируемая им власть была неоспорима.

— Гуюй, возьми этот жетон и скажи солдатам отвести всех беженцев в моё поместье.

Характер Цзи Яня был необычным, и Гуюй беспокоился, что он может сделать что-то, что навредит достоинству императорской семьи. Услышав эти слова, он был ошеломлён.

— Господин?

Цзи Янь понял, что он всё понял, и не стал объяснять, просто передал жетон.

— Иди.

Затем он повернулся к Байлу:

— У меня ещё есть около четырёх тысяч лянов серебра. Я не очень хорошо знаю Чанъань, пожалуйста, сходи и купи то, что сейчас больше всего нужно беженцам, и отправь всё в поместье.

Байлу опустилась на колени и серьёзно сказала:

— Байлу исполняет приказ!

После того как Гуюй и Байлу ушли, рядом с Цзи Янем остался только отряд цзиньи-вэй. Командир отряда стоял в стороне, услышав все его распоряжения, и теперь, держа меч, не мог сдержать своих эмоций.

Сегодня утром евнух Бифу лично передал устный приказ императора, чтобы они защищали Цзи Яня, даже если придётся пожертвовать всем. Тогда он не соглашался с этим.

Цзиньи-вэй — это личная охрана императора, как они могут защищать наложника?

К тому же, это был не первый раз, когда он видел Цзи Яня. Несколько дней назад, когда император закрыл Чанъань, он тоже был там. Хотя он не видел лица Цзи Яня, его волосы были слишком узнаваемы.

Позже он слышал, как император строил для него здания, покупал поместья. Хотя он ничего не говорил, в душе он считал, что император слишком избаловал этого наложника, и это было неправильно.

Но теперь он слышал каждое слово Цзи Яня: четыре тысячи лянов, чтобы купить припасы для беженцев, большое поместье, построенное для него, чтобы разместить беженцев...

Чувство вины охватило его, и он не знал, как теперь смотреть на Цзи Яня.

— Все, вставайте!

Громко крикнул Цзи Янь.

— Теперь я отправлю вас всех в моё поместье, не волнуйтесь!

Беженцы не могли поверить своим ушам. Только что Цзи Янь достал золотой жетон, и солдаты опустились на колени. Они поняли, что перед ними важный человек, и уже начали бояться, но не ожидали такого поворота событий.

Они лишь надеялись на немного милости от Цзи Яня, а он собирался отправить их в своё поместье.

Но в это время люди стали подозрительными, и никто не знал, действительно ли Цзи Янь был так добр.

Все переглядывались, и наступила тишина.

Заметив их сомнения, Цзи Янь вздохнул:

— Конечно, вы можете выбрать не ехать, это ваше право.

Внезапно тишину нарушил детский голос:

— Братец! Я хочу поехать!

Это была та самая девочка, которая осторожно держала танхулу. Её мать обняла её:

— Я тоже хочу.

— Я поеду!

Встал мужчина, чей ребёнок был болен. Состояние его ребёнка ухудшалось, и, если бы они продолжили скитаться, он мог бы потерять жизнь. Ему нечего было терять.

Всё больше людей поднимались, и под руководством Цзи Яня они отправились с солдатами.

Наблюдая за тем, как все организовано двигаются, Цзи Янь вдруг спросил командира цзинь-вэй:

— Как мне обращаться к вам, господин?

Цзи Янь действительно не знал, как его называть. Все они служили Вэнь И, поэтому «господин» было подходящим обращением.

— Господин Цзи, не стоит церемоний. Моя фамилия Чжэн, зовут Чжэн Ши.

— Чжэн Ши?!

Будущий командующий цзинь-вэй! Цзи Янь был приятно удивлён, как ему везёт встречать таких людей!

Хотя до того, как Чжэн Ши займёт эту должность, оставалось ещё несколько лет, но это определённо был он.

Чжэн Ши, однако, начал беспокоиться. Он не был знаком с этим господином Цзи, но тот так удивился, услышав его имя. Неужели это что-то плохое?

Командующий цзинь-вэй — это далеко не маленькая должность. Цзи Янь поклонился ему, сложив руки:

— Господин Чжэн, в будущем вы непременно станете выдающимся человеком.

Чжэн Ши испугался:

— Благодарю вас, господин. На каком бы посту я ни был, я буду служить стране и императору.

Цзи Янь удовлетворённо кивнул. Только не забудьте обо мне потом! Я уже предсказал вам это.

— Пожалуйста, господин Чжэн, отправьте несколько человек в лавку паровых булочек «Пяосян», чтобы они вместе с ними доставили булочки в поместье.

— Чжэн Ши понял.

Распорядившись всем этим, Цзи Янь тоже отправился в поместье, но, измученный, он поехал туда в карете.

Требуется по сюжету.

Предположим, что из Цзяннани в Чанъань отправились несколько тысяч человек, почти десять тысяч.

Но до конца добрались только две тысячи.

Ведь, на мой взгляд, в древности путешествия были очень тяжёлыми.

Тем более, у них ничего не было.

Успел написать три главы.

Спокойной ночи, мур-мур!

<http://bllate.org/book/16137/1444558>